

18+

Е.Поливкина

Чужие люди

Елена Поливкина

Чужие люди

«Издательские решения»

Поливкина Е.

Чужие люди / Е. Поливкина — «Издательские решения»,

Где та грань, что разделяет «суровое» воспитание и откровенную жестокость? Как ужиться рядом с тем, кто ломает тебя день за днём, искренне считая, что поступает «во благо»? Агриппина Николаевна не любила своего внука. Оскорбления, побои и вечный страх для Васьки — обычная жизнь... Всё меняется с появлением Егора Петровича — нелюдимого человека, «спрятавшегося» в деревне от всего мира. Волею случая он дал начало большим переменам в укладе семьи Вавиловых.

© Поливкина Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Чужие люди

Елена Поливкина

© Елена Поливкина, 2026

ISBN 978-5-0070-5625-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Вот же гад... — Васька глядел на своё мутное отражение в речке и рукавом вытирал кровь из разбитого носа. Голова гудела. Спину жгло. А перед глазами всё ещё стоял Петрович...

— Значит, бабушка была права, значит, существуют они... черти, и один из них теперь здесь, у них в деревне... Васька перевёл взгляд на свою кошку, она лежала рядышком, еле дышала:

— Леюшка, моя, родненькая, — слёзы отчаяния душили, он наклонился и нежно погладил котейку. — Не оставляй меня, пожалуйста... — Кошка едва заметно повела ухом на его голос, но глаза не открыла. Она тихо захрипела. От этого звука Ваське стало так страшно, как не было даже там, у «чёрта» дома. Он быстро стянул с себя старую рубашку, завернул в неё кошку и бросился со всех ног домой.

Глава 1

Когда Егор Петрович переехал в деревню, он сразу привлёк всеобщее внимание. И Васькино тоже.

Собою Петрович был неказист, да чего там — страшиноват. Роста немалого, грубый, будто не мамкой рождённый, а топором из коряжистого дуба вырубленный. Нос у него был крупный, мясистый, чуть свёрнутый набок — след старого перелома. Обветренное лицо обрамляла густая, жёсткая щетина с сильной проседью, которая росла как сорная трава.

Поселился Егор Петрович в брошенной избе за рекой, отшельником. К людям в разговоры не лез, да и сам особо приветлив не был. Нет, не из лихих был, просто сам по себе такой — всегда стороной.

До переезда работал водителем на скорой в городе. Застывшие в страхе лица, вой сирены, разрывающий ночную тишину, жуткий скрип старой каталки — всё это было его жизнью. Но в один из серых, пахнущих бензином и лекарствами дней он вдруг понял, что сил больше не осталось. Вот и принял решение спрятаться от этого кошмара в глухой деревушке, в надежде на покой и долгожданную тишину.

Но в деревне тайн нет, скоро все прознали, где он работал, а значит, будет за доктора! Однако Петрович наотрез отказывался лечить людей. Объяснял, объяснял — да куда там...

— Да шофёр я! Шо-фёр! — гремел он на всю улицу, отмахиваясь от очередного соседа. — Я только тормоз от газа отличить могу, носилки могу тащить, баллоны там... Ой, да идите вы все... в больницу!

Деревенские лишь понимающе переглядывались, кивали, но случись чего, снова бежали к его избе за рекой. И понять их было можно. Мужик он надёжный, основательный, крепкий. Вон, недавно, деда Митяя с почечной коликой в свой старенький УАЗик погрузил и в больницу отвёз. А в марте, когда дороги превратились в кашу из глины и талого снега, Петрович рванул в город с соседской девчушкой. Острый аппендицит. Вся деревня тогда молилась. Машина редела, садилась на брюхо в колеях, но Петрович дотянул, успел.

Сколько бы он ни упрямился, ни хмурил густые брови, а в помощи никому не отказывал. Помогал, чем мог и как умел. Случай был — корова у соседей слегла, разродиться никак не могла. Два дня скотинка мучилась, стонала на весь двор. Позвали Петровича от безысходности: вдруг надумает чего? Он зашёл в хлев, снял фуфайку, засучил рукава. Ощупал ей всё брюхо, а потом залез рукой по локоть и одним точным, неуловимым движением перевернул телёнка внутри неё головой на выход. Родила бедняга сама через полчаса, и телёнок живой остался.

Вот так и прописался Егор Петрович на деревне.

С Васькой у Петровича сразу не задалось. Если остальные жители держали почтительную дистанцию и звали мужика только в крайнюю нужду, то пацан ходил за ним хвостом и всё время лез с разговорами. Петрович забор чинит — Васька из кустов следит. Петрович траву косит — Васька тут как тут, под ногами путается с вопросами: а где родился? Почему не женился? Зачем на отшибе поселился, от людей прячешься?

— Отвяжись, малой, — бурчал Петрович, не отвлекаясь от работы. — Язык не отсох ещё?

С Васькой на деревне мало кто общался, чуть ли не за юродивого считали, и всё благодаря его бабке. Характер у неё был не сахар, каждого встречного в грехах обвиняла, в каждом видела что-то дурное и бесовское. Оттого люди и обходили их дом стороной, кому хотелось быть облитыми помоями?..

Крепко Ваське доставалось от родной бабки... Однажды парнишка пристал к ней с вопросом, где его родичи. Бабка, недолго думая, рассказала, что горят они на костре, в адском пламени, потому как грехи их тяжелы и непростительны. Всё в картинки его тыкала на стене, да пугала и страшила. Когда-то давно, подрабатывая уборщицей в сельской школе, увидела

бабка Агриппина в библиотеке большой художественный альбом, а там — репродукции картин «Страшного суда». Словно бес её попутал — утащила она эту книгу домой, повырезала понравившиеся ей сцены наказания грешников да развесила их по стенам избы.

Вот и рос Василёк среди страшных лиц с картинок, да с тяжкой думой о падении человечества. Обо всех соседях думал, и в каждом пытался рассмотреть грехи. Только одна душа пацана и любила — его кошка Лейка. Именем таким она обзавелась неспроста, как и хозяин, боялась всего на свете. Чуть резкий звук или тень какая — Лейка тут же лужицу оставляла. Кошка была под стать хозяину — неказистая, худенькая, словно состоящая из одних только тонких косточек. Породы обычной — подзаборной, серая в темную полоску, с большими, вечно испуганными жёлтыми глазами. Вроде ничего особенного, но для Васьки самая красивая. Его лучший друг. Единственный друг...

Петрович был для Васьки загадкой. Вот, поди разбери этих людей: глянешь на Петровича и вмиг забудешь, как тебя зовут, а люди к нему тянутся, за помощью идут. С уважением относятся, с пониманием. Сам то он к людям не ходит, помощи не просит, с мужиками не балагурит, в церкви не замечен... Дикий какой-то, странный... Стал Васька особо следить за отшельником. Заляжет в кустах ракитника за дорогой и наблюдает часами, пытаюсь высмотреть в нелюдимом мужике хоть что-то плохое, бесовское. Бабка ведь говорила, что черти хитрые, они в доверие втираются. Вот Васька и ждал, когда Петрович пойдёт искушать соседей, до греха их доводить...

Но Петрович никуда не шёл. Он колот дрова, таскал воду, чинил покосившийся забор, строил курятник, и постоянно что-то ворчал себе под нос. Однажды Васька так увлёкся наблюдением, что зацепил ногой сухую ветку. Треск сломанной палки выдал его с головой. Петрович медленно опустил топор, посмотрел прямо в гущу ракитника тяжёлым, уставшим взглядом и.. ушёл в дом. Не накричал, не зарычал, не обматерил — просто ушёл...

Васька сгорал от любопытства. Осторожно, чтобы не шуметь, пацан перелез через хлипкий забор и подкрался к окнам. Словно точная копия за ним двигалась Лейка: она прижималась всем телом к самой земле, вытягивала шею, замирала, испуганно озираясь по сторонам. Если бы не Васька, она ни за что бы не полезла бы к этому страшному дому!

Петрович порядком уже устал от Васькиного «прицела». Уходя в дом, он надеялся, что и пацан к себе пойдёт, но нет! Тот решил прям в хату без мыла влезть! Из-за печи Егор Петрович смотрел, как Васька плющит нос о мутное стекло, а рядом с ним его подранок пушистый, уши прижав, тоже мордой тычется.

— Вот что ты будешь делать... — тяжело вздохнув, Петрович обвёл взглядом сени и наткнулся на половник в тазу. — Проучить тебя, что ли, чтоб в чужие окна не лазил?..

Под тазом, лавку укрывая, лежал старый тулуп, поеденный молью. Он Петровичу в доверок к дому достался. Мужик накинул на плечи тулуп мехом наружу, взял таз с половником и тихонько вышел из дома. Осторожно прячась за лапами ели, мужик подкрался к Ваське сбоку и, со всей дури, ударил половником в таз!

Грянул гром — будто пушка выстрелила! Васька от неожиданности подпрыгнул на месте, едва не выплюнув собственное сердце. Он резко обернулся и замер: в вечерних сумерках перед ним стояло косматое, покрытое мехом чудище, с огромным крюком! Бабкины картинки ожили прямо перед глазами.

— А-а-а-а! Черти! — истошно закричал пацан, теряя тапки на ходу. Он рванул через хлипкий забор, но зацепился штанами и кувыркнулся носом в землю! От этого грохота Лейка, орошая палисадник «чёрта», пулей влетела на Ваську и вцепилась всеми когтями в его пятую точку. Васька взвыл от боли, попытался было стряхнуть с себя обезумевшую кошку, но Лейка лихо проскакала по его спине, оставляя глубокие царапины.

Петрович никак не ожидал такого исхода. Увидев, весь этот балаган, он сам не на шутку перепугался. Отбросив таз и тулуп, бросился к мальчишке, чтобы помочь, отцепить кошку,

осмотреть раны... Но куда там! Вскочив на ноги с диким воплем, пацан вместе с Лейкой рванул прочь со двора так, что только пятки сверкали в сумерках. Петрович замер посреди двора, тяжело дыша. На плечи обрушилось оцепенение. От этого адского грохота и воплей в деревне поднялся переполох: завyli собаки, в окнах зажёгся свет. Соседи гурьбой бежали спросить, что случилось, что за грохот такой жуткий, на ночь глядя? Петрович стоял ни жив ни мёртв, раздражённо пиная дурацкий тулуп. Ему было нестерпимо стыдно.

Всю ночь мужик ворочался на жёсткой кровати, коря себя за глупую шутку и гадая, как там теперь этот нелепый пацанёнок со своей вечно трясущейся кошкой.

Глава 2

Василий поражение переживал тяжело, ноги не слушались, руки тряслись, и неожиданно проявилось заикание. Несмотря на худое состояние, Ваську больше всего беспокоила Лейка, она вообще не вставала. Он не отходил от неё, всё гладил и гладил, всё баюкал и баюкал, а по щекам катились горькие слёзы. Молился Васька неистово, чтобы Боженька не забирал у него единственную родственную душу.

Точно было и Петровичу. Трясаясь в автобусе по разбитой колее, он всё думал и думал о том, что шибко перегнул палку. И деревню всю перебаламутил, волком на него смотрят:

— Эх, нехорошо вышло. Не по-людски.

Доехав до города, Егор Петрович купил запчасти для мотора своего «козлика», килограмм гвоздей — забор-то Васька разворотил, и уже хотел ехать домой, как увидел зоомагазин. Вспомнил о плохом состоянии Васькиной кошки. Недолго думая, прикупил кошачьи игрушки, лежанку, какое-то успокоительное для животных — доверился совету продавца. По дороге домой, всё думал, как встретит его Васька, пустят ли его...

Долго стоять на пороге «воспитанника» Петрович не стал. Постучал и без приглашения тут же вошёл. От этого бесцеремонного вторжения Васька тонко взвизгнул и, точно затравленный зверёк, в мгновение ока юркнул под кровать. Бабки дома не было.

— Василий! Не бойся меня, вылезай, я с миром пришёл.

Васька выл, так жалобно и тихо, что у Петровича мороз по коже пробежал.

— Вылезай давай, не бойся — Петрович медленно стал опускаться на колени, чтобы заглянуть под кровать. — Вась, прекрати, я помочь хочу. Ну, прости ты меня, перегнул палку, сознаюсь.

Васька медленно повернул голову в его сторону. Взгляд его был таким запуганным, что Петровичу враз перекрыли кислород. Расстегнув ворот рубашки, он судорожно сглотнул:

— Я помочь хочу, — прохрипел он. — Вон, кошке лекарство привёз. Игрушки там, всякие, хрен его знает. Вась, ну прости дурака, разозлил ты меня, а я и повёлся... Дай помочь, если не тебе, так хоть Лейке.

— А не п-п-прибьёшь? — прошептал Васька.

— ...Не дури...

— Ты же... ты же вон как орал! Крюком махал! И гром вызывал! — Васька всё ещё не вылезал, но его глаза, блестящие в темноте подкроватья, теперь светились робким, наивным любопытством.

— Да какой там гром, Васятка... Таз обычный, да половник, — мужик тяжело вздохнул, — человек я, Вась. В церковь да, не хожу. Грехи у меня есть, признаюсь, но не чёрт я, Вась. Просто человек, как и все здесь, — Петрович стал неуклюже подниматься с колен. — Где кошка, показывай.

Васька из-под кровати махнул рукой в сторону закутка за спаленкой и начал осторожно, по-пластунски, выбираться из укрытия, не сводя глаз с огромных сапог гостя.

Кошка была плоха. Она лежала тряпичным комочком, и только редкое вздрагивание боков выдавало в ней жизнь. Петрович хотел было аккуратно её поднять, переложить на чистую лежанку, что принёс с собой, но посмотрел на грязную, зловонную тряпку под ней и замер. Руки его дрогнули.

— Ты кормишь её? — выдохнул Петрович.

— Ага, супом кормил... пытался, не ест она. — Васька шмыгнул носом, стоя в стороне и вжимая голову в плечи.

— Водой с картошкой, что бабка твоя готовит?

— Да, а-а-а больше нет ничего — слегка заикаясь, ответил Василий.

— Да не дёргайся... Вот, — Петрович выудил из глубокого кармана мятые купюры и вложил их в безвольную ладонь пацана. — Дуй в магазин. Купи консерву рыбную, самую дорогую, и себе чего к чаю присмотри. Всё лучше, чем та баланда, что бабка твоя варит. И хлеба захвати, свежего. А потом пулей ко мне.

— К-к-куда? — поперхнулся Васька, глядя на деньги так, словно они могли укусить.

— Ко мне, в хату. Будем вас на ноги ставить, горемычных, — Петрович говорил ворчливо, скрывая подступившее беспокойство. Сорвав выцветшее покрывало с Васькиной кровати, он опустил на корточки и бережно обернул умирающую кошку в ветхую ткань. Прижав к груди этот хрупкий свёрток, зашагал к выходу. На пороге обернулся:

— Ну? Чего замер? Мотор заводи, пока магазин не закрыли!

Васька сорвался с места, едва не сбив Петровича в дверях. Он бежал по улице, сжимая в кулаке деньги, и впервые за долгое время в его груди разливалось странное, горячее чувство — надежда.

Глава 3

Дома у Петровича царил суровый мужской порядок: чистенько, аккуратно, без «финтифлюшек» — согласно холостяцкому быту. Помня о кошке, Петрович действовал быстро и сосредоточенно. Бережно, влажным полотенцем обтёр исхудавшее тельце, уложил в тёплую новую лежанку и прикрыл сверху своей старой ветровкой — та ещё хранила запах табака и костра. Растопив печь, Петрович перенёс конструкцию с кошкой на лавку у печи, трясло её сильно.

— Не бойся, малая, не бойся... — приговаривал он, и голос его, обычно грубый, теперь звучал мягко, как шуршание камыша. — И прости ты меня, дурака. Довёл вот тебя... Доигрался... Прости...

Он то и дело поглядывал в темнеющее окно. Где только застрял этот балбес? Сердце нет-нет, да и ёкало: а ну как Агриппина перехватила? Старательно отгоняя тревогу, Петрович зачерпнул ковшом ледяной воды из ведра. Пить сама Лейка не могла, только бессильно лизнула край металла. Тогда он обмакнул кончик полотенца в воду и по капле выдавил влагу ей в пасть. Кошка с трудом сплотнула. Её помутневшие глаза на мгновение прояснились, и Егор уловил нотки благодарности.

— Не за что меня благодарить, малая, скотина я. Вон до чего тебя довёл. Ты потерпи, потерпи немного. Сейчас хозяин твой вернётся, надеюсь, еду принесёт. А то вон одни кости от тебя остались.

Спустя минут двадцать из-за вековой ели, что охраняла дом Петровича, выскочил взъерошенный Васька. У самого порога он остановился. На миг отчаянно захотелось бросить пакет прямо тут и бежать. Однако страх за Лейку победил, и Василий, зажмурившись, решительно шагнул в сени.

— Я принёс! Я принёс — оглушил весь дом Васька.

Из-за угла, на ходу вытирая руки о передник, стремительно вылетел Петрович. Он хотел подхватить тяжёлый пакет, но Васька, не ожидавший такой прыти, вскрикнул, обмяк и ретировался пятой точкой на пол, закрываясь руками. Наступила неловкая тишина. Петрович замер, глядя на сжавшегося в комок пацана.

— Да что ж ты... — Егор Петрович осёкся, и голос его прозвучал непривычно глухо. — Вась, да не ударю я тебя. Помочь хочу — он осторожно протянул руку парню, — давай, вставай, нечего пол подметать, штаны последние потрёшь.

Васька осторожно приоткрыл один глаз. Увидев странную, неуклюжую заботу в глазах соседа, медленно, по-стариковски кряхтя, начал подниматься, крепко прижимая к груди заветный пакет с продуктами.

— Баба Дуся сказала, что консервы — это яд. Она сегодня куру забила, обрезки дала. Сказала, отварить надо и мелко нарубить. Сказала, что кура полезная, а консервы нет — захлёбывался словами Васька, протягивая хозяину свёрток.

— Так-то оно так — протянул Петрович, — только кошка то сейчас голодная. Ладно, Васёк, ты молодец, всё правильно сделал!

Сердце в груди пропустило удар, а потом заколотилось часто-часто. Никогда он не слышал такого в свой адрес. Всю жизнь его только шпыняли, затрешины отвешивали да дураком кликали. А тут — «молодец», «правильно сделал» ... На его замурзанном лице, вопреки всем страхам, медленно, начала расползаться нелепая, широкая и совершенно счастливая улыбка. Даже глаза засветились, как два светлячка в ночи.

— Ну, чего застыл, помощник? — Петрович легонько подтолкнул его к печи, — ставь ковшик, будем твою куру варить. Лейка ждать не может! А я пока посмотрю, что у меня уже есть.

С этими словами Петрович залез в холодильник и нашёл кусочек отварного мяса.

— То, что нужно, — одобрительно кивнув, Петрович достал из пакета хлеб, отрезал ломоть, на него положил кус мяса, и протянул Ваське, который уже поставил котелок с потрохами в печь.

— Это мне? — изумился пацан, глядя на бутерброд так, словно Петрович протягивал ему заморское сокровище. Дома он ел тайком, забившись в угол, чтобы бабка Агриппина не видала. Она вечно ворчала, что дюже он противно хлебает, чавкает и вообще — «переводит добро». Вот и старался Васька не попадаться ей на глаза, глотал куски почти не жуя, лишь бы бабушка не злилась.

— Тебе, — буркнул Петрович, заметив дикое недоверие в глазах парня, — ешь, давай, в этом доме никто голодать не будет. Солью посыпь — так вкуснее.

Петрович сразу отвернулся к печке, делая вид, что очень занят помешиванием потрохов в котелке. Васька взял бутерброд дрожащими руками. Запах свежего ржаного хлеба и отварного мяса ударили в нос, живот предательски заурчал. Он осторожно откусил, медленно прожевал и исподлобья покосился на хозяина. Петрович продолжал копошиться у печи, будто ничего особенного не происходило. И страх, всё это время державший Ваську за горло, потерял силу. Впервые за долгое время он ел спокойно — без окрика, без брезгливого взгляда, без тяжёлого упрёка за каждый съеденный кусок.

Маленький кусочек мяса Петрович начал мелко, почти в фарш, рубить ножом. Развёл водичкой, превращая в мягкую кашу, взял чайную ложку и пошёл к лежанке. Васька, едва не подавившись, метнулся следом, затаив дыхание.

— Будем кормить, — прошептал Петрович. Кончиком ложки он зачерпнул мясную жижицу и бережно приоткрыл Лейке пасть. Капля исчезла внутри, кошка слабо, но уверенно сглотнула.

— Видишь, Василий, вот так и будем выхаживать. Следи, чтобы свет ей в глаза не бил, корми аккуратно, по капелькам, про лекарство не забывай. И самое главное, разговаривай с ней. Ласково! Она будет слушать и знать, что нужна тебе, что любишь её, потому и останется с тобой... Бог даст...

Последние слова Петрович еле прошептал, и в избе повисла звенящая тишина. Васька смотрел то на Лейку, то на огромные, узловатые руки Петровича, которые на его глазах творили настоящее чудо.

— Я буду, дядь Егор, — голос Васьки дрогнул, стал чистым и серьёзным. — Я буду с ней разговаривать. Про всё-всё расскажу.

Петрович похлопал его по плечу и почувствовал, как парнишка растерянно дрогнул всем телом, будто не знал, чего ждать от чужого прикосновения.

— Ты вот что, Василий... — Петрович замялся, — ты у меня оставайся. На время. Гроза вон заходит, да и Лейку таскать по дождю не дело. Я тебе на лавке у печки постелю, там кости погреешь.

Васька поднял на него глаза, в которых отражалось пламя из открытой дверцы печи. Он молчал, боясь даже кивнуть, чтобы это видение — тёплая изба, запах вкусного мяса и этот большой, надёжный человек — не рассыпалось в прах.

— А ба?.. — наконец прошептал он.

— С бабушкой твоей я сам потолкую, — отрезал Петрович и добавил уже мягче: — Ешь, давай. Остынет всё.

Глава 4

Петрович до всей этой истории с Агриппиной Николаевной особо не пересекался — нужды не было. Знал только, что характер у неё не сахар, за словом в карман не полезет. Вся деревня её сторонилась, а молодухи пугали ребятишек, называя бабой Ягой. С соседями она не дружила — воевала.

Внука она воспитывала сурово. За малейшую провинность ставила на колени перед образами и заставляла часами читать молитвы. К работе не подпускала:

— Да что может-то это безрукое отродье?

Если бы не соцработники да батюшка, Васька неучем бы остался. Школа пошла на пользу им обоим. Васька открыл для себя новый мир — шумный, живой, где можно было перевести дух. А бабка стала реже видеть внука...

Первое столкновение Петровича с Агриппиной Николаевной произошло неожиданно, дней через пять после того, как Василий у него «прописался». Агриппина вошла без стука — дверь под её рукой не открылась, словно испуганно распахнулась сама. Оглядывая подслеповатыми глазами убранство комнаты, наткнулась на Петровича с Васькой за столом, завтракали.

— Вот ты где, черти тебя дери! А, ну живо домой! Я что должна по всей деревне тебя искать? — с этими словами шустро подошла к Ваське и отвесила мощный подзатыльник, а потом схватила за ухо.

— Вставай, давай, сейчас ты у меня получишь!

Васька от такого приветствия побелел весь, закашлялся, подавившись кашей, обмяк, того и гляди, сейчас в обморок грохнется.

— Иди дрова руби, на чём я готовить должна? Ты-то жрёшь тут сидишь, дьявольское отродье! — гремела старуха. — Пригрела змею на груди, только беды от тебя, полудурок!

— Ты, Николавна, — Петрович встал, — тут не командуй, не в своём доме!

— Тебя не спросила, сволота приبلудная, учить меня вздумал? — И замахнулась уже на Петровича, но тот руку перехватил и решительно развернул бабку к выходу.

— Ах, вы окаянные! На старуху руку подняли, Бог то всё видит! Вспомнишь меня на Страшном суде, погань мерзкая! Ох, как вспомнишь! — она пыталась вырваться, цеплялась за дверные косяки, но против здорового мужика не попрёшь.

— Выродки проклятые! Чтобы вам пусто было!

— Иди уже! — захлопнул за ней дверь Петрович. Прислонился к косяку и поднёс руку к груди, как бы успокаивая своё сердце. В хате воцарилась звенящая, пыльная тишина, какая бывает только после внезапно стихшего урагана. Не ожидал он такой злой силищи от хрупкой старухи. Да уж, утро сегодня недоброе...

Бабка какое-то время посыпала проклятиями и его и Василия из-за двери, но ушла-таки. Всё это время Васька сидел, ни жив, ни мёртв, по его щекам молча, катились слёзы. Егор Петрович подошёл к парню и тихо положил руку ему на плечо.

— Так... Хватит сопلي наматывать! — Петрович придвинулся к столу — ешь, давай, каша стынет. Подлил Ваське чаю и пододвинул к нему блюдо с сушками.

— А... — пацан поднял заплаканную моську на хозяина дома.

— Ешь! — пресёк Петрович, облокотившись на стол — ...вместе пойдём, нарубим дров. Она хоть и язва, но старая уже, сил нет. Помочь надо. — Петрович раздражённо постучал пальцами по столу и решительно поднялся.

После завтрака Васька тщательно перемыл посуду, насухо вытер тарелки полотенцем и аккуратно расставил их на полке — как учил Егор Петрович. Едва дыша, поднял умоляющие глаза на хозяина дома.

— Надо, Вась. Собрался? Пойдём тогда.

— Дядь Егор... а можно я... — Васька мялся, не зная, как попросить — можно я помолюсь?

Петрович застыл на пороге, медленно повернулся к парню.

— Вась... Тебе не нужно моё разрешение, только вот, нет у меня икон, прости... — виновато развёл руками Егор.

— Это ничего, я сам — с этими словами Василий присел около своей кошки на колени. Погладил её между ушей и тихонечко стал напевать:

Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться?

Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?..

Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут...¹

Петрович стоял в дверях, сжимая в руке топориче, и слушал. Голос Васьки, обычно сбивчивый и испуганный, сейчас лился ровно, обретая неожиданную глубину. В лучах июньского солнца Васька казался совсем прозрачным... Глядя на его вздрагивающие плечи, Петрович, сам того не замечая, обратился к Богу — не словами, а всем своим изношенным сердцем.

«Боже... ну за что ему всё это?..»

Он тяжело переступил с ноги на ногу, крепче сжал топориче.

«Мальчишка ведь совсем ещё... Запуганный, голодный, никому не нужный... А всё терпит. Не озлобился даже...»

— *Ибо отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня...¹*

К горлу вдруг подкатил удушливый ком.

«Господи, — взмолился мужик, чувствуя, как кровь приливает к вискам. — Обернись к нему, раз уж мы, грешные, не смогли...»...

Увидев на своем пороге Петровича с топором да Ваську, бабка снова начала щедро одаривать оскорблениями да проклятиями.

— Иди в дом, будут тебе дрова — рыкнул Петрович и повернулся к Василию — бери свой топор, вместе быстрее будет.

Пацан метнулся в сарай под градом проклятий, взял топор и махнул рукой в сторону колоды. Петрович кивнул. За час накололи бабке дров месяца на три. Пока рубили, бабка несколько раз порывалась надавать тумаков Ваське, но Егор Петрович держал оборону, прятал пацана за свою спину, а бабку в дом чуть ли не силой уводил. Как закончили с дровами, убрались вокруг, чтобы чисто было, аккуратно. Заодно, ветку яблони подпилили, что грозила упасть на ветхую крышу хаты.

— Жди у ворот. — Петрович подтолкнул мальчишку к калитке, и вошёл в хату, — Николавна, дрова мы тебе нарубили, если что ещё нужно — скажи, помогу. Но, пацана больше не трогай! Он же твоя родная кровь!

— Ублюдок он, безродный! И сдохнет он, как мать его непутёвая! Вместе гореть будут! Бог то всё видит!

— Именно, всё видит! И тебя видит, Николавна... — Петрович в сердцах сплюнул, да вышел из дома.

— Пойдем, Вась. Ну-ка, сопли утри! Иди, давай!

Они, молча, дошли до мосточка через мелкую речушку, молча же, не сговариваясь, сели на берегу. Долго сидели, погружённые в себя, оба как будто враз обессилили, будто бабка из них всю душу вытрясла. А над ними растекалась синева июньского неба, проплывали тонкие, как

¹ 26-й псалом Давида, Московская Патриархия

вуаль невесты, облака, безмятежно щебетали птицы, плескались мальки. И не знали мужики, что сама земля в это время их лечила, вытягивала бабкины проклятия, силой наполняла, душу очищала, одаривала любовью.

Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться?

Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?..

Глава 5

Только через неделю Лейка впервые сама, без помощи, приподнялась на передние лапы. Она долго, качаясь от слабости, смотрела на молоко в блюде, а потом сделала первый, неуверенный глоток. Радости Васьки не было предела — он замер, боясь даже выдохнуть, лишь бы не спугнуть это маленькое чудо. Все эти дни пацан жил как в лихорадке. От Лейки не отходил ни на шаг. Спал тут же, под лавкой, свернувшись калачиком на старом тулупе, чтобы слышать каждое её движение. Его руки, ещё недавно постоянно дрожавшие от страха, теперь твердо держали пипетку, отмеряя лекарство до капли. Он менял тряпки, варил бульоны и, заглядывая в затуманенные глаза кошки, шептал ей такие слова, о которых сам мечтал всю жизнь.

Василий так горел делом, что Петрович начал всерьёз опасаться за пацана. Он силком выпроваживал парнишку из избы, давая самые разные поручения: дров наколоть, в магазин сбегать, сорняки выдрать.

— Слышь, лекарь, — ворчал Петрович, — иди-ка на улицу, в курятник, яйца принеси. Загнал ты себя, Василий. Кошке живой хозяин нужен, а не тень бледная.

— Как в курятник? Мне? Прямо самому? — голос Васьки сорвался на высокий, почти птичий писк.

Петрович замер с полотенцем в руках, искренне не понимая, какая муха укусила пацана.

— Ты что, кур боишься, что ли? Или слов русских не понимаешь? Обычное дело: зашёл, взял, принёс. — Петрович озадаченно посмотрел на парня.

— Дык это... Дядь Петрович, нельзя мне... Я же побью всё — бестолочь я, безрукая, — парень смотрел в пол, и в его голосе не было и тени бунта, только рабская, вбитая под кожу уверенность в своей никчёмности.

Петрович аж присел на лавку. Он смотрел на эти широкие ладони уже взрослого парня, которые за эти дни ни разу не дрогнули, пока он по капле поил кошку, и чувствовал, как внутри всё закипает. «Лихо ему бабка мозги проела, — подумал хозяин дома, — парень взрослый совсем, а себя за человека не считает».

— Слышь, Василий, — Петрович поднялся и подошёл вплотную, глядя парню прямо в глаза. — Ты кошку с того света вытащил? Вытащил. Дрова рубил? Рубил! Бульоны варили? Варили! Так какого хрена ты на себя напраслину возводишь? Иди, говорю!

На дрожащих ногах Васька подошёл к курятнику. Яйца собирал осторожно, бережно. Даже дышать лишний раз боялся. С радостью смотрел он на своё полное лукошко — «во, ба, видала? Могу!» Не отрывая взгляда от корзинки, он шагнул к выходу — и зацепился носком рваного ботинка за высокий порог.

Весь мир внезапно перевернулся.

Васька вскинул руки — лукошко полетело вверх, а в след и яйца разлетелись веером во все стороны. Парнишка с жутким грохотом рухнул на землю и замер среди растекающихся желтков. В ту же секунду внутри у него раздался голос бабушки.

— Безрукое отродье... — Он зажмурился и втянул голову в плечи.

— Ах ты... — зычный голос Петровича заставил Ваську сжаться ещё сильнее. Увидев парня, Петрович осёкся: перед ним лежал насмерть перепуганный мальчишка, готовый провалиться сквозь землю от стыда.

— Не убили? — Петрович присел рядом прямо в грязь, не жалея штанов, и начал ощупывать плечи и руки парня. — Кости целы? Василий, слышь меня?

— Я... я же говорил... крючья вместо рук... — прошептал он, и по его грязному лицу потекли злые, жгучие слёзы. — Всё побил, дядь Петрович. Всё в говно...

— Да хрен с ними, с яйцами! — гаркнул Петрович, хватая его за плечи и заставляя сесть. — Куры ещё снесут, жопа у них не отвалится. Ты сам-то как? Живой? Ну и, слава Богу. Вставай, отряхивайся. Сейчас всё исправим.

Плечи у парня ходили ходуном. Он стоял посреди двора — мокрый, грязный, жалкий — и всё никак не мог перестать дрожать.

— Ну-ну, будет тебе, — Петрович поднялся, отряхнул ладони и, вопреки ожиданиям Васьки, не замахнулся, а крепко взял его за локоть. — Ты посмотри на него, развёл сырость. Вставай ровно!

Парень поднял голову, попытался выдавить из себя мольбу о прощении, но Петрович пресёк взмахом руки.

— Пошли в баню, — скомандовал Петрович. — Я её с утра подтапливал, сейчас там в самый раз. Смоешь с себя и грязь эту, и мысли свои дурацкие. А яйца... — он глянул на жёлтое месиво под ногами и усмехнулся, — яйца — дело наживное. Главное, что сам не всмятку.

Васька шёл следом, пошатываясь, всё ещё не веря, что после такой беды небо не рухнуло на землю. Дома Егор Петрович приложил к носу пацана обрезок ткани и велел запрокинуть голову повыше. Смазал йодом ссадины, прилепил лейкопластырь.

Пока Василий оплакивал два десятка яиц, Петрович внимательно осмотрел обувь пацана. Страшно представить, сколько ей лет, давно уже истёрлась подошва, отлетели застёжки, да и не по размеру она ему.

— Василий, ты бабке говорил, что тебе обувь нужна?

— Угу, ба говорит, что всё это роскошь, а роскошь от лукавого.

— Понятно... Слушай, а лет тебе сколько Василий?

— Я школу закончил, года два назад, — мальчишка пожал плечами.

— Ну, а числа какого родился, знаешь?

— Не-а, а зачем?

— Паспорт у тебя есть?

— Не-а, ба сказала, что раз я в город не езжу, то и паспорт мне не нужен. Он только для тех, кто там живёт. А на деревне все и так друг друга знают.

Петрович слушал этот тихий, покорный голос и чувствовал, как внутри всё переворачивается. Он смотрел на восемнадцатилетнего парня, который стоял с запрокинутой головой и заклеенным носом, и поверить не мог в происходящее.

— Паспорт не нужен, говоришь?.. — Петрович медленно опустил взгляд на разбитые ботинки Васьки. — Роскошь, значит... Послушай меня, Василий, — Петрович присел напротив него, заставив парня посмотреть себе в глаза. — Ты — человек. И у человека должно быть имя в бумагах, дата рождения и обувь, которая не разваливается на ходу. Ты понимаешь, что она из тебя призрака сделала? Тебя по закону и нет вовсе.

Васька моргнул, и на его лице отразилось искреннее, детское недоумение.

— Да как же нет, дядь Петрович? Вот же я... И Лейка меня знает, и вы... Зачем мне бумага, если я живой?

Петрович тяжело вздохнул и потёр лицо ладонями. Какая же странная нелепая ситуация... Ну, не может такого быть в наше время! Техника вон как развивается, города растут, а тут, под самым носом, живёт человек — призрак, отрезанный от мира злобной старухой.

— Так — решительно встав, Петрович повернулся к Ваське — говори, какую школу закончил? Нашу, деревенскую?

Сжавшись до комочка, Василий прогундосил:

— Другой же нету.

— Значит, нашу... — Петрович начал мерить шагами комнату. — Если школу закончил, значит, в списках был. Значит, и свидетельство о рождении где-то в школьном архиве светилось, и в сельсовете ты числился. — Он резко остановился перед Васькой. — Слушай сюда,

«живой человек». Завтра пойдём к Ларисе Мироновне. Она в школе за главную, все папки перетрясёт, но след твой найдёт. Будет тебе паспорт!

Глава 6

Примерно за год до «изгнания беса» из Петровича, в деревню переехала Лариса Мионовна. Со всеми здоровалась, со всеми разговаривала приветливо, но в чужие дела не лезла. Сплетни слушала без особого интереса, а сама никогда не разносила. Хозяйственная, но не из тех, кто каждую травинку в огороде причёсывает. Всё у неё делалось спокойно, с каким-то умиротворением — и всё спорилось в руках.

Дом она от бабушки получила, в наследство. Выпустив во взрослую жизнь свой последний класс, собрала вещи и первым автобусом уехала в новую, деревенскую жизнь. Работу нашла быстро — учителей в деревне не хватало, потому приняли с распростёртыми объятиями.

Егор Петрович заметил её сразу, хоть сам себе в том долго не признавался. Не было в ней яркой красоты, но было, что-то особенное... Неуловимо притягательное, тёплое, даже родное. Любовался ею издали и верил, что повезёт кому-то с такой женой.

С утра Петрович долго наглаживал белую рубашку. Брюки, что когда-то по молодости купил, натянуть не получилось — раздобыл. Порывшись в тряпках, понял, что других нарядных штанов у него нет, более-менее приличные только те, что он в город ездит.

Перед походом Петрович решил первым делом растопить баню. Надо было хорошенько отмыться, освежиться. Попутно и Василия отскоблил от бабкиной «копоти». Так его березовым веником охаживал, что полдеревни сбежалось, думали — Петрович решил добить бедолагу. Васька выполз в предбанник красный как рак, едва переводя дух, но с каким-то странным, умудрённым взглядом. Вся многолетняя тяжесть, вся пыль бабкиной избы и липкий страх, казалось, вышли из него вместе с седьмым потом.

— Ну что, живой, «бесовское отродье»? — хохотнул Петрович, вытираясь жёстким полотенцем. — Заново родился, считай!

Порывшись в своих закромах, Петрович нашёл Ваське пару вещей, правда, велики они ему были шибко, но всё лучше, чем его лохмотья. А вот ботинки по размеру подошли. Они хоть и не новые были, зато воды не хлебали. Петрович критически осмотрел результат своих трудов. Васька в подвёрнутых штанах и широкой рубахе светился, словно медный грош в базарный день.

— Ну вот, — крикнул Егор, — теперь на мужика похож, а не на пугало огородное. Ноги-то не жмут?

Васька осторожно топнул по половику. Ботинки отозвались глухим, надёжным звуком. Парень прошёлся по комнате, привыкая к весу настоящей обуви, и на его губах заиграла робкая улыбка.

— В самый раз, дядь Петрович. Крепкие...

Они сели за стол. Петрович налил в кружки ароматный чай с шиповником. Тишина была мирной, пока Васька, наблюдая как Петрович тщательно застёгивает манжеты и приглаживает ладонью воротник, вдруг не спросил:

— А куда ты так наряжаешься то, дядь Петрович?

Петрович поперхнулся. Шиповник пошёл не в то горло.

И правда — чего это он?

Хитрое ли дело к Ларисе зайти, да метрику спросить?

А он тут целое представление устроил: рубашки гладил, брюки мерил... Побрился начисто, в кои то веки...

Подскочил Петрович, словно пятки ему подпалили, стащил с себя рубашку со штанами, комом закинул назад в шкаф.

Васька, выпучив глаза, не смел даже вздохнуть.

Петрович стоял посреди комнаты, тяжело дыша, точно после драки. Глянцевая поверхность шкафа отражала его гладко выбритое лицо — такое нелепое, даже чужое...

— Никуда я не наряжаюсь! — рявкнул он, пытаясь скрыть минутную слабость, — пыль развёл... Порядок наводил, не видишь, что ли? Иди вон, кошку свою покорми, лекарь.

Васька кивнул, медленно отступая к печке, но взгляда не отводил. Он впервые видел Петровича таким растерянным, беззащитным. В спешке Петрович натянул назад свою несвежую водолазку, штаны огородные, и, крепко хлопнув дверью, скрылся за лапищами ели.

Глава 7

Бабка Антонина боролась с приступом радикулита у забора, когда мимо неё словно ужаленный, пролетел Петрович. Был он явно не в себе, что-то бормотал, махал руками, злился на кого-то. Вмиг забыв о пояснице, Антонина позвала внучку:

— Света! Светик! Иди сюда! — старуха медленно разогнулась и взяла грабли в руки.

— Ба? Что случилось? — девочка лет десяти подбежала к бабуле.

— Беда, чую... Петрович пробежал словно на пожар. Злой, как чёрт. Беги к соседям, скажи — пускай за ним идут. Мало ли что стряслось. Он просто так шуметь не станет, — бабка нежно погладила по голове внучку — беги, детка.

Светланка резво бросилась со двора. Вмиг облетела ближайшие дворы, всех, кого могла, позвала. Люди, побросав все свои дела, кинулись вдогонку за Петровичем: кто с топором, кто с ведром, а вдруг и правда пожар? Антонина шла с граблями, опираясь на них как на трость.

— Вот оглашенный, хоть бы предупредил, что случилось то, как догнать то?.. — сетовала старуха, ковыляя за толпой соседей.

Петрович так злился на самого себя, что ничего вокруг не замечал.

«Это ж надо — рубахи наглаживать вздумал. Бриться. Наряжаться... И сердце это дурацкое... Прямо, как мальчишка на первое свидание... Тыфу, ты, прости Господи...»

Он вспомнил странное, давно забытое чувство — смесь предвкушения, радости и страха. Как трепетало сердце в юности, когда к соседской девчонке бегал.

«Выброси это из головы, дурень... Не мутит воду. Нечего бабе жизнь портить...»

Петрович сердито пинал попадавшиеся под ноги камни, зло отмахивался от веток сирени.

— Старый дурак, — бормотал под нос, — о Ваське думай. О документах. Ишь, жених нашёлся...

Но предвкушение от встречи никуда не делось... Оно сидело где-то под самым сердцем колющее, горячее, напоминая — он всё ещё жив...

Лариса Мироновна спокойно мыла посуду в тазике, когда, случайно подняв глаза в окно, увидела такое, что заставило её перекреститься. К её дому стремительно приближалась толпа взбудораженных соседей во главе с Петровичем. Вытерев руки о передник, она пошла к двери. На секунду замешкалась, глянула в зеркало на себя, поправила выбившуюся прядь, снова вытерла руки о передник. И в этот момент раздался стук в дверь:

«Значит, всё-таки ко мне...» — тревожно подумала она и вышла на крыльцо.

— Лариса Мироновна! Я к вам по делу! — гаркнул Петрович и рубанул рукой воздух. Лицом он был красен, будто горел изнутри, грудь ходила ходуном, видно, что спешил очень.

— Вы все ко мне... по делу? — осторожно заглядывая за спину Петровича, спросила Лариса.

— Кто «все»? — Петрович обернулся и увидел толпу людей с топорами, граблями, вилами. Опешив от увиденного, Петрович широко раскинул руки в стороны:

— Вы чего, люди? Что случилось?

— Лариска! Ты горишь что ли? — Антонина вышла вперед, — Что у тебя случилось то? Мы на подмогу пришли, говори, какая беда пришла.

— Какая беда? Что горит-то? Вы о чём, люди?

Петрович перевёл взгляд с толпы на Ларису:

— Что случилось, Лариса Мироновна? Вы в порядке, целы?

— Я ...да, в порядке. А вы?..

Петрович перевёл растерянный взгляд на толпу:

— Вы чего, братцы? Что за паника?

— Так это ты нам скажи! — с трудом опираясь на грабли, Антонина подошла к Петровичу. — Бежишь, как ошпаренный, материшься, что мы должны были подумать? Беда пришла, раз тебя так накрыло.

— Да я по делу шёл. Вот к ней — Егор Петрович махнул в сторону Ларисы — Ничего не случилось, чего вы переполошились то, в толк не возьму.

— Ты выпимиши что ли, не пойму — бабка подошла вплотную к Петровичу и начала принюхиваться. — Кто по делу идёт, словно от волков бежит, а? Коли по простому делу, так и шёл бы тихо, спокойно. А ты, окаянный, так летел, что меня чуть удар не хватил, будто снова немцы в деревню пришли! Ты зачем так пугаешь то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.